

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Емельянова В.П. Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек //

Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.75005 EDN: GIVWII URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75005

Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек

Емельянова Вера Павловна

ORCID: 0009-0001-9809-4716

соискатель; институт философии человека; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Ведущий библиограф; Фундаментальная библиотека имени императрицы Марии Федоровны; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

188678, Россия, Ленинградская обл., Всеволожский р-н, г. Мурино, Привокзальная пл., д. 1-Ак. 2

✉ ingrekman@gmail.com

[Статья из рубрики "Книжная культура и искусство книги"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.75005

EDN:

GIVWII

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является интеллектуальная культура представителей дворянского сословия Российской империи XIII – первой половины XIX в. Исследование являет собой попытку реконструкции культурных практик интеллектуальной элиты просвещенного нобилитета указанной эпохи на основе выявленных круга чтения и читательских практик. Особое внимание уделяется усадебным книжным собраниям, поскольку указанная эпоха знаменуется расцветом усадебной культуры, когда большая часть представителей дворянского сословия, получив личную свободу от необходимости нести государственную и военную службу, перемещается в загородные имения. Это приводит к перераспределению интеллектуального капитала внутри страны и возникновению нового уникального феномена "государств в государстве" – усадеб со своим часто замкнутым микрокосмом. В значительной степени автономная и фактически не коммуницирующая с церковной или академической интеллектуальными элитами, усадебная культура, однако, продолжает

свое развитие, демонстрируя плоды установившихся внутрисословных интеллектуальных практик, в частности, непрерывного самообразования. Личные библиотеки с самого начала служившие основой данного процесса, меняются в соответствии с новыми потребностями представителей нобилитета. В основе проведенного исследования – метод культурной реконструкции, предполагающий восстановление элементов интеллектуальной культуры нобилитета в указанный период на материале каталогов усадебных библиотек, архивных и эго-документов (мемуаров, писем), а также материальных источников (интерьера усадеб). Методология исследования предполагает выявление и контент-анализ источников, компаративные исследования каталогов библиотек, биографический подход. Основными выводами проведенного исследования являются положения о том, что, во-первых, усадебные библиотеки со второй половины XVIII в. стали центрами накопления житейского, практического, научного знания, способствуя поддержанию и развитию культуры дворянской интеллектуальной элиты, рассредоточившейся от столицы по всей территории Российской империи, во-вторых, развитие интеллектуальной культуры усадьбы с ведущей ролью личных книжных собраний приводило к возникновению меценатства, поддержке образования и научно-техническому развитию на разнотудаленных от центра территориях страны. Новизна работы выявляется во введении в научный оборот новых источников, данных о нахождении в книжных собраниях усадебных библиотек тех или иных изданий, а также в интеграции результатов исследований и источников, прежде использовавшихся в отдельных областях различных наук.

Ключевые слова:

интеллектуальная культура, дворянское сословие, усадебная культура, личные библиотеки, история культуры, XVIII век, культурная реконструкция, Российская империя, эго-документы, эпоха Просвещения

Период со второй половины XVIII в. до середины XIX в. справедливо можно обозначить как эпоху расцвета усадебной культуры в Российской империи. Начало ей положило издание в 1762 г. «Манифеста о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Документ делал прежде обязательную службу добровольной («никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет») и, следовательно, наделял представителей нобилитета правом проживать в любом месте Империи, отсутствием привязки к месту службы. Столетие спустя в ходе реформ Александра II (в особенности крестьянской реформы, отменившей крепостное право в России в 1861 г.) экономические, социальные и культурные аспекты существования дворянских гнезд претерпели глубокие изменения, повлекшие их угасание и переход к дачной культуре, отличной по содержанию и ментальности. В указанное же столетие многие представители дворянского сословия перебираются на постоянное проживание в загородные имения разной степени удаленности от культурных, политических и интеллектуальных центров, в первую очередь, столицы. В определенной мере происходит процесс, обратный тому, который задумал и начал воплощать Петр I, создавая Санкт-Петербург, а именно: создать современный город-резиденцию и сконцентрировать в нем государственную элиту, опору монаршей власти. Очевидно, что роль последней он отводил формирующемуся дворянскому сословию. Именно поэтому среди первых приказов о заселении мы видим приказ тысяче самых благородных фамилий строить дома в новой столице [\[1, с. 231\]](#). В дальнейшем множество реформ (в том числе создание Табели о рангах) императора будут направлены на формирование

детерминированности продвижения по службе степенью образованности и способностью к автодидактике — самостоятельному обретению новых навыков, освоению информации, в данном случае, необходимых для службы стремительно развивающейся империи. Важнейшим инструментом в этом процессе становилась личная библиотека. При этом отсутствие необходимости в несении службы отнюдь не умалило роли чтения и книжных собраний в интеллектуальной культуре нобилитета после 1762 г. На это указывают и обширные усадебные библиотеки самых состоятельных представителей нобилитета, и скромные собрания, иногда в пару-тройку единиц, у наименее богатых помещиков. Состав же усадебных библиотек способен дать представление о жизни дворянина-интеллектуала исследуемой эпохи.

Вторая половина XVIII в. — период перераспределения интеллектуального капитала, заключенного в знаниях, способностях и компетенциях единственного на тот момент образованного сословия — дворянства, внутри страны. Дворянство, к 1760-м гг. осознавшее себя как высшее исключительное сословие, получило окончательное закрепление своих привилегий в 1762 г. в виде Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Издание этого документа имело сразу несколько важных последствий для нобилитета. Во-первых, окончательный отказ от условного характера собственности на землю [\[2, с. 117\]](#), «службы с земли», при которой служилый помещик обладал пожалованным наделом исключительно взамен несения службы. Начало XVIII в. характеризуется введением рекрутской повинности и обретением помещиками наследного права на землю, однако именно издание Манифеста отменило условный характер землевладения. Во-вторых, освобождение от обязанности нести службу. Тут стоит отметить, однако, что обязательная служба для дворянских отпрысков довольно часто становилась условностью. Этому во многом способствовали, во-первых, издание Манифеста «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнении от оной» 1736 г., ограничивающего прежде пожизненную повинность 25 годами, во-вторых, действовавшая до 1747 года лазейка в виде возможности «приписать» (т. е. формально зачислить в полк) малолетнего дворянского отпрыска. Это давало возможность уже в 25 лет выходить в отставку. При этом, согласно тому же Манифесту «О порядке приема в службу...», до 20 лет наследники дворянских родов находились «в науках», что делало действительную службу, в лучшем случае, короткой. Еще один весьма распространенный вид избегания службы — невозвращение на место постоянной службы из отпусков и командировок [\[3, с. 9\]](#). Разумеется, так действовали не все представители нобилитета, однако подобными явлениями (а также необходимостью самостоятельного обеспечения себя и предоставляемых со своей земли рекрутов необходимым для службы) можно объяснить уже существовавший к 1762 г. интерес нобилитета к развитию собственных хозяйств. Манифест же «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» способствовал становлению ситуации, при которой у представителей дворянского сословия исчезла необходимость в постоянном пребывании в столице или на месте службы с одной стороны и появилась дополнительная мотивация находиться при собственном имении, развивая и улучшая его, в частности, ради увеличения доходов от реализации производимой продукции. Постепенный рост привлекательности идеи дворянина-хозяйственника и усадьбы как центра его жизни и деятельности намечается немногим раньше, в конце 1750-х гг. Заметным его отражением стало распространение в печати заметок, работ и рекомендаций, связанных с садоводством. Так, в июльских «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» за 1757 г. появляются статьи «Предложение о разводе в России шелковичных дерев, а особливо о выращении оных из семян их, сочиненное И. Б. Кельрейтером, медицины доктором и истории натуральной и ботаники адъюнктом» [\[4, с.](#)

[54-65](#)], «О употреблении овощей» [\[4, с. 89-95\]](#). Оба сочинения, кроме того, свидетельствуют о распространении естественнонаучного знания, и появление их в гражданской печати, очевидно предназначенное к прочтению представителями, в первую очередь, нобилитета, указывает на развитие этого самого знания вне академической среды. Немалую роль здесь играет и мода на античных авторов, живописующих картины жизни в латифундиях разумных и хозяйственных землевладельцев, чьи труды исправно вознаграждаются. К таковым, например, можно отнести Катона Старшего, чье «Земледелие» («De Agri Cultura») встречается в большом количестве личных библиотек исследуемой эпохи. Восприятие идей просветителей, например Дж. Локка с его обязательными для детей упражнениями на свежем воздухе и занятиями садоводством и плотничеством в качестве досуга [\[5, с. 466\]](#), также способствовало предпочтению загородных усадеб городским особнякам.

Вследствие описанных выше предпосылок происходит активное развитие усадебной культуры, все большее количество дворян предпочитают постоянное либо долговременное проживание в собственных «государствах в государстве». При этом не стоит забывать об уже сложившемся ценностном отношении к знанию — следствию Петровских преобразований. Издание Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и освобождение от службы не привели к уменьшению востребованности образования и знания среди элиты нобилитета. К этому моменту энциклопедичность — еще одно веяние Просвещения, знание последних новинок печати и достижений науки стали важными инструментами самопрезентации и поддержания внутрисословного статуса. Вдохновение видными деятелями Просвещения Франции и Англии, стремление охватить все области знания отражены и в фондах владельческих собраний эпохи. Так, крупнейшее и одно из самых дорогих и значимых изданий эпохи — «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers») обнаруживается в личных библиотеках самых богатых фамилий, например, Орловых, Воронцовых, Юсуповых и др. Это прослеживается и в салонной культуре, зародившейся как раз в середине XVIII в. Так, среди гостей постоянных посетителей салона И. И. Шувалова можно было отметить М. В. Ломоносова [\[6, с. 72\]](#). Несмотря на изначально литературную направленность салонов, обсуждения в них никогда не ограничивались художественными сочинениями (особенно заметным это станет в XIX в. на примере кружков графа Н. П. Румянцева, великой княгини Елены Павловны и др.) и требовали от посетителей высокого уровня всестороннего развития. При этом салоны и кружки не были исключительно столичным явлением — важнейшей формой досуга провинциальных дворян были приемы и поездки в гости к соседям [\[7, с. 152\]](#). Центром приема гостей часто становилась парадная библиотека, указывавшая на статус владельца. Вообще книжное собрание XVIII в. обходилось в суммы, доступные лишь самой высшей прослойке дворянской элиты. Пожалуй, самым известным примером, показывающим стоимость книги, является купленная Екатериной II у Дидро в 1765 г. библиотека (порядка 3 тыс. томов) за 15000 ливров (около 3500 рублей). Для сравнения: на содержание основанной в 1783 г. Академии Российской в год выделялось немногим больше 6 тыс. рублей [\[8, с. 75\]](#). Огромные цены на книги делали само наличие личной библиотеки привилегией наиболее состоятельных представителей общества, и, конечно, обладание ей указывало на самый высокий статус владельца. Поэтому в больших усадебных домах библиотеке часто отводилось центральное место. Показательным примером здесь может послужить подмосковная усадьба князей Голицыных Никольское-Урюпино. Несмотря на плохую сохранность комплекса, современные исследования и 3D-реконструкция плана усадьбы позволяют получить

довольно четкое представление о месте библиотеки в доме и жизни хозяев: она располагалась прямо в парадном зале и протянулась на оба этажа основного здания [9, с. 141]. Согласно документам, за всю историю существования и развития библиотеки в ней собралось около 5 тысяч томов [10, с. 58], что, хоть и уступает в разы огромной библиотеке Н. Б. Юсупова в 20 тысяч томов в соседнем Архангельском [11, с. 68], само по себе является внушительным показателем. Состав подобных собраний играл в создании образа хозяина не меньшую роль, нежели их объемы: на полках можно было встретить все издания, соответствующие кругу чтения просвещенного дворянина. Так, самым большим тематическим разделом упомянутой библиотеки в Архангельском составляют сочинения французских и античных философов. Парадная библиотека усадьбы Никольское Демидовых (Санкт-Петербургская губерния), насчитывавшая около 3 тыс. томов, по большей части состояла из произведений представителей европейского Просвещения. Здесь были представлены многотомные собрания сочинений энциклопедистов, издания Мольера, Буало и т. д. [12, с. 27]. Примечательно, что во всех случаях издания представлены на языке оригинала — к середине XVIII в. для представителя интеллектуальной элиты нобилитета было само собой разумеющимся знание двух-трех языков и активная коммуникация с представителями европейской просвещенной элиты. Пожалуй, самым ярким свидетельством отражения нового просвещенного мышления в усадебной библиотеке являются воспоминания Е. Р. Дашковой. В мемуарах она рассказывает о том, как началось ее погружение в мир книжности: будучи ребенком, она заболела корью и была выслана в дядино (М. И. Воронцова) имение под Петербургом. Именно благодаря огромной усадебной библиотеке «книги сделались предметом ее страсти», особенно произведения Вольтера, Монтескье и других просветителей [13, с. 8]. По сути, с парадной библиотеки начинается путь первой женщины-директора Императорской Академии наук и председателя Академии Российской.

Таким образом, состав парадных библиотек крупных «дворянских гнезд» позволяет утверждать, что высокий уровень образованности и осведомленность о последних интеллектуальных тенденциях вполне соответствовала столичной, а потому усадебная библиотека вслед за городской становилась инструментом самореализации и поддержания статуса внутри замкнутой сословной среды.

Нельзя не отметить и роль усадебной библиотеки в процессах образования и воспитания, поскольку они занимают особое место в формировании представителя дворянской интеллектуальной элиты. Несмотря на то, что вторая половина XVIII в. отмечена появлением и развитием специализированных учебных заведений закрытого типа, созданных преимущественно для отпрысков малоимущих дворян (Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус, Смольный институт благородных девиц) [14, с. 137], преобладающей формой образования в среде нобилитета оставалась домашняя. И, поскольку многие представители дворянских родов предпочитали помещичью жизнь, обучение детей также проходило в стенах усадеб. Более того, именно со второй половины XVIII в. под влиянием все тех же идей Просвещения активно развивается предметный мир ребенка, в том числе и детская литература. Так, с 1780-х гг. Н. И. Новиков издает журнал «Детское чтение для сердца и разума», специфически детскую литературу, написанную «соразмерным детскому понятию слогом» [15, с. 570], т. е. с учетом возрастных особенностей аудитории издания. Кроме того, каждый текст журнала снабжен объемным критическим аппаратом, объясняющим каждое слово или явление, которое ребенок в процессе чтения может не понять. Мемуарные свидетельства

демонстрируют влияние, которое новые издания оказывали на процесс дворянского образования и самих юных представителей нобилитета. В «Воспоминаниях» В. И. Панаева встречается упоминание «очень его занимавшего» «Детского чтения», факты из которого (о временах года и «разрушении Лиссабона») он сохранил в памяти на всю жизнь [16, с. 213]. Журналы Н. И. Новикова, а после и другие детские и семейные книги, встречаются в большинстве усадебных библиотек. Однако на образовательную функцию этих книжных собраний указывают и другие издания. Так, до середины XVIII столетия ребенок воспринимался, скорее, как маленький взрослый, и абсолютное большинство представителей нобилитета получали образование по тем же книгам, которые читали взрослые домочадцы. Так, родной брат Е. Р. Дашковой граф А. Р. Воронцов вспоминал о библиотеке, включавшей «лучших французских авторов и поэтов», которую выписал их отец и которая, по мнению самого графа, сформировала в нем «наклонность к чтению и литературе» [17, с. 390]. Собрания тех же французских авторов встречаются в усадьбах, например, Брянчаниновых, Верещагиных, вологодских дворян Андреевых и т. д. [18], создавая интеллектуальное пространство, в которое дети дворян погружались с самых ранних лет и в котором проходила внутрисословная социализация, приобретались знания, необходимые для успешной коммуникации и вхождения в состав интеллектуальной элиты.

Описанные выше функции и особенности дворянских личных библиотек характерны в большей или меньшей степени как для городских особняков, так и для усадеб. Однако усадебные библиотеки также отличаются куда большей степенью практикоориентированности, часто не последней задачей этих собраний является помощь в формировании у читателей разнообразных практических навыков, применимых при ведении хозяйства. Как уже было упомянуто, усадьбы довольно быстро превратились в своеобразные «государства в государстве», стремящиеся к самообеспечению. Более того, еще с 1720-х гг. была разрешена продажа излишков помещного производства, а законодательные акты второй половины XVIII–XIX вв. закрепляли за землевладельцами право оптовой беспошлинной торговли как внутри страны, так и с зарубежьем [19, с. 125]. Это еще сильнее мотивировало дворянство всецело посвящать себя усадебному быту, погружаясь во все аспекты хозяйственной жизни вплоть до самостоятельного составления «наказов», касающихся разведения скота, птицы, растениеводства (напр. «Садоводство полное, собранное с опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков, Васильем Левшиным, коллежским советником, членом экономических обществ, Императорского Вольного и Санктпетербургского и Лейпцигского, и ордена св. Анны 2 го класса кавалером» (Москва, 1808, из библиотеки Цуриковых: <https://knpm.rusneb.ru/kp/item48820>), а также обустройства всевозможных производств вплоть до кондитерского [20, с. 10]. Кроме того, удаленность многих усадеб от более-менее регулярных медучреждений часто перекладывала заботы о здоровье домочадцев и крепостных на плечи владельцев. Именно это служит катализатором появления в усадебных библиотеках изданий вроде «Всеобщего врача природы или лекарства под рукой» А. С. Венсона (Москва, 1868, из библиотеки Резановых-Андреевых, см. Каталоги библиотеки Резановых-Андреевых [Электронный ресурс] / сост. Н. Н. Фарутина // Вологодская областная универсальная научная библиотека. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/usadba_new/kurkino/l_21.htm, свободный. – (Дата обращения: 25.06.2025)), «Домашний лечебник или Простый способ лечения» (Санкт-Петербург, 1765, из библиотеки Цуриковых: <https://knpm.rusneb.ru/kp/item84200>).

Наконец, усадебные библиотеки наиболее состоятельных представителей дворянского

сословия указывают на развивавшуюся в имениях внеакадемическую науку. В первую очередь, обращают на себя внимание специфические естественнонаучные издания, далекие от популярного изложения. Так, в знаменитой Усольской библиотеке (Самарская губерния) В. П. Орлова-Давыдова наряду с характерными для среднестатистического заинтересованного помещика изданиями по непосредственному ведению сельского хозяйства (напр. A. Thaer. Den rationela landthushållningens grundsatser, 1816: <https://knpam.rusneb.ru/kp/item66617>) можно встретить и книги, указывающие на вполне научный подход к проведению модернизации и улучшений внутри его земель, например, издания о возможностях в сфере механизации производств (Ch. F. Zeller Die nutzbarsten und neuern landwirthschaftlichen Maschinen, Apparate und Geräthe: mit besonderer Rücksicht auf Süddeutschland: in zwei Lieferungen, Carlsruhe, 1838: <https://knpam.rusneb.ru/kp/item66560>) и даже о сопротивлении материалов (C. L. Moll, F. Reuleaux. Die Festigkeit der Materialien, namentlich des Guss- und Schmiedeisens: zunächst für Ingenieure und polytechnische Schulen, Braunschweig, 1853: <https://knpam.rusneb.ru/kp/item64656>). Так, известный своим меценатством, строительством школ и «приютов» (аналог детских садов) для крестьян, он держал в библиотеке труды по педагогике (напр. D. Stow. The training system adopted in the model schools of the Glasgow Educational Society: a manual for infant and juvenile schools, which includes a system of moral training suited to the condition of large towns, Glasgow 1836: <https://knpam.rusneb.ru/kp/item66582>), дефектологии (G. Ballet. Le langage intérieur et les diverses formes de l'aphasie, Paris, 1886: <https://knpam.rusneb.ru/kp/item66547>). Другой пример научных интересов дворянина, отраженный в усадебном книжном собрании, наблюдаем в работе Г. Н. Геннади «Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги»: в пересказе сведений, дошедших от британского путешественника Кларка, автор описывает роскошную библиотеку с редкими экземплярами и уникальными коллекциями, а также специализированную ботаническую библиотеку при усадебной оранжерее [21, с. 3]. Кроме того, сын графа, М. Д. Бутурлин, упоминает «научно-физический кабинет» отца. К сожалению, собрание, насчитывавшее десятки тысяч томов, сгорело и было разграблено, как и все имение, в 1812 г., однако знания, почерпнутые из этих книг, нередко применялись на практике в другом родовом гнезде в Белкино, где, по воспоминаниям М. Д. Бутурлина, его отец разбил огород и оранжерею, а также всевозможные слесарные мастерские, в которых сам же и занимался [22, с. 63]. Подобного рода увлечения, отраженные не только в достижениях, мемуарах, но и в каталогах усадебных библиотек можно найти практически у всех представителей интеллектуальной элиты нобилитета. Это говорит о широком развитии внеакадемического знания внутри дворянского сословия.

Таким образом, усадебные библиотеки со второй половины XVIII в. стали центрами накопления житейского, практического, научного знания, способствуя поддержанию и развитию культуры дворянской интеллектуальной элиты, рассредоточившейся от столицы по всей территории Российской империи. Это, в свою очередь, приводило к возникновению меценатства, поддержке образования и научно-техническому развитию на разнотудаленных от центра территориях страны.

Библиография

1. Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.
2. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.
3. Бенда В. Н. "Обязательность" службы дворянского сословия и особенности ее

- прохождения в русской армии в XVIII в. // *Juvenis Scientia*. 2019. № 8. С. 8-11. DOI: 10.32415/jscientia.2019.08.02
4. Кельрейтер И. Г. Предложение о разводе в России шелковичных деревьев, а особливо о выращении из оных семян их, сочиненное И. Г. Кельрейтером, медицины доктором и истории натуральной и ботаники адъюнктом // *Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие*. 1757. Июль. С. 54-65.
5. Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
6. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 324 с.
7. Царикаева С. С. Провинциальное дворянство России // *Известия ПГУ им. В. Г. Белинского*. 2007. № 8. С. 149-153.
8. Муравьева Л. А. Финансовая политика Екатерины II // *Финансы и кредит*. 2010. № 22 (406). С. 72-80.
9. Маландина Т.В. Виртуальная 3D-реконструкция интерьеров подмосковных усадеб XVIII – начала XX веков: парадные интерьеры усадебного комплекса Никольское-Урюпино // *Историческая информатика*. 2021. № 2. С. 134-170. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.2.36029 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36029
10. Крючкова М. А., Парушева В. Г. Русский Версаль: Усадьбы князей Голицыных Архангельское и Никольское-Урюпино. М.: Русский мир, 2012. 336 с.
11. Мурашко О. Ю. "Книгохранилище, кумиры и картины": книжная коллекция князей Юсуповых // *Библиосфера*. 2017. № 2. С. 67-71. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-2-67-71
12. Кевролева-Коноплева Л. Общий очерк усадебных библиотек // *Вологодская Советская Публичная библиотека. Год работы (9 февраля 1919 г. – 9 февраля 1920 г.)*. Вологда, 1920. С. 26-27.
13. Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой писанные ею самой. Лондон: Trübner & Co, 1859. 522 с.
14. Артемьева Т. В. Визуализация педагогических идей в культуре России и Европы эпохи Просвещения // *Сравнительные исследования в образовании: кейс России*. Санкт-Петербург, 2023. С. 127-147.
15. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. 786 с.
16. В. И. Панаев. Воспоминания В. И. Панаева // *Вестник Европы*. Санкт-Петербург, 1867. Том 3. С. 193-270.
17. Русский быт. По воспоминаниям современников. XVIII век. От Петра до Екатерины II-й (1698–1761 гг.) : сборник отрывков из записок, воспоминаний и писем. М.: Задруга, 1914. Часть I. 430 с.
18. Бровина А., Роцевская Л. Личные библиотеки Севера России // БУК ВО "Областная универсальная научная библиотека": официальный сайт. Сыктывкар, 2000. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bro/vina/1.htm> (дата обращения: 26.06.2025).
19. Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века: Т. Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М.: Наука, 1998. 204 с.
20. Геннади Г. Н. Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1856, № 4. С. 1-10.
21. Бутурлин М. Д. Записки графа М. Д. Бутурлина. М.: Любимая книга, 2006. 651 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек» представляет собой обращение к феномену усадебных дворянских библиотек второй половины XVIII века. Автор рассматривает данное явление в контексте превращения дворянства в привилегированное сословие и в частности как результат издания Манифеста о вольности дворянской Петра III (1762 г.), что для автора становится отправной точкой в процессе «перераспределения интеллектуального капитала, заключенного в знаниях, способностях и компетенциях единственного на тот момент образованного сословия — дворянства, внутри страны» по направлению из столиц на периферию, в усадебные комплексы. Автор четко связывает наличие и комплектацию библиотек с теми занятиями (общественными, хозяйственными, представительскими и пр.), которые были присущи владельцам дворянских усадеб. К сожалению, в работе практически полностью обрезан научно-методический аппарат, автор уклоняется от обзора литературы и источников, не заявляет о новизне своего исследования относительно уже опубликованного корпуса научной литературы. Композиционно работе присуща расширенная вводная часть (историческая судьба дворянства, вопросы дворянской службы и т.д. с историческими экскурсами к началу XVIII в.), вынесенное в заглавие исследование усадебных библиотек занимает относительно небольшую часть работы, соответственно набор приводимых в работе примеров довольно ограничен; автор здесь отталкивается от функционала библиотеки (парадно-представительная функция, воспитательно-образовательная, медицинская, хозяйственная и др.), и обращается к составу дворянских библиотек уже как к иллюстрации той или иной функции. Выводы в принципе не вызывают вопросов; в той форме, в какой они сформулированы автором (...усадебные библиотеки со второй половины XVIII в. стали центрами накопления житейского, практического, научного знания, способствуя поддержанию и развитию культуры дворянской интеллектуальной элиты, рассредоточившейся от столицы по всей территории Российской империи) они в полной мере обоснованы содержательной частью работы; в то же время они не совсем соответствуют заявленному в заглавии «Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян...», т.е. вопрос интеллектуальной культуры дворянства пересекается, но не в полной мере совпадает с материалом данного исследования. Однако это проблема начинается еще с отсутствия четко сформулированной цели исследования в начале работы, указания на предмет/объект и т.д., конкретизации термина "интеллектуальная культура" и др. Тем не менее в целом работа написана с использованием широкого круга источников, постановка проблемы любопытна и перспективна для дальнейших исследований. Рецензируемая работа в целом представляет интерес для читателя и рекомендуется к публикации.